

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ЛУННЫЕ

МУРАВЬИ

Зинаида Гиппиус
Лунные муравьи

«Public Domain»

1910

Гиппиус З. Н.

Лунные муравьи / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1910

«В прошлом месяце шел я по Измайловскому мосту, сумерками. Холодно было, ветрено. Народу не густо. Вдруг вижу – метнулось темное что-то к перилам, тяжело через них перевалилось и бултыхнуло в черную, уже льдисто-сальную воду...»

© Гиппиус З. Н., 1910

© Public Domain, 1910

Зинаида Гиппиус Лунные муравьи

1-го ноября 1909 г.

В прошлом месяце шел я по Измайловскому мосту, сумерками. Холодно было, ветрено. Народу не густо. Вдруг вижу – метнулось темное что-то к перилам, тяжело через них перевалилось и бултыхнуло в черную, уже льдисто-сальную воду.

Тут закричали, засвистели, затолпились, побежали с тротуара вниз, куда-то к пустой пристани, к баракам.

Пошел и я. Пока проталкивался, слышу: «Вытащили. Багром сряду зацепили и вытащили».

И уж стоит на тротуаре мужичонка, вода с него так и течет, глаза волосами совсем залеплены, сам фыркает и трясется. Сумерки серые, плохо видно, но я подошел близко. Совсем молодой парень, худой, маленький.

Городовой рядом, сердится, подталкивает его куда-то.

– Ах ты, на тебе! Иди уж, иди!

– Шапчонка-то моя... – бормочет парень. – Шапчонка-то...

– Да, вот шапку еще твою вылавливать... Садись добром... Эй, извозчик.

Откуда-то взялся недовольный, но покорившийся извозчик. В толпе слышались негодующие возгласы. Все были против парня.

– Шапчонка-то – твердил он, трясясь. – Мать честная... Ваше благородие...

– Ишь ты, тоже! Туда же, гляди, жизнь надоела! – фыркнул презрительно какой-то мастеровой. – Вот те и «Мать честная»!

Барыня визжала:

– Городовой, что ж вы? Везите его в больницу! Он сырой воды наглотался, с ним холера будет!

Окончательно озверевший городовой с ругательствами втолкнул мужичонку на извозчика, сел сам, стараясь держаться подальше, и затузил извозчика в спину.

Утопленник мотал мокрыми волосами, беспомощно лепетал что-то, должно быть, то же самое, и они уехали, трясясь, в серую мглу.

Народ расходился, ворча.

– Пропasti на них нет! – сказал купец и плюнул. – Эдака тля, а тоже! Беспокойства сколько. И что за мода пошла нынче?

Девушка в платочке возразила робко:

– Коли ему жисть надоела...

Купец только рыкнул на нее и опять плюнул.

– Безработный, может, али деньги хозяйские потерял, – сказал кто-то глухо.

Никто на это не обратил внимания. Расходились равнодушно. Дело обычное.

Передо мной еще так и стояло лицо парня. Мокрый, фыркающий, лепечущий о шапчонке. И как это вдруг взял, да и перевалился за перила? Ничего-ничего – и вдруг перевалился.

С того вечера меня потянуло к самоубийцам. Начал я свою статистику им вести, по газетам; во всякий случай вглядывался. Ничего не могу понять. Тянутся предо мной целые их полки, рои роятся. Причины все разные – и все одинаковые, и все какие-то непонятные.

Что с ними делается, перед тем как они решатся? Какие они? Можно ли их угадать?

Прошлой весной застрелился знакомый студент. Я его видел незадолго и ничего решительно не заметил. После говорили товарищи, что он все «задумывался». Но врут, нисколько не «задумывался».

8-го ноября

С тех пор, как веду им счет – просто покой потерял. Работа даже не ладится. Самое непонятное – что их такая куча. Такая, какой никогда доньше не было. Это я знаю, я справлялся. И затем – «причины». То есть отсутствие «причин», потому что обстоятельства, которые они выдают за «причины», – просто обстоятельства жизни. И всегда они были. То получше, то похуже. Всегда были.

Особенно пошло на девиц из простеньких. Ведрами уксусную эссенцию глотают. Впрочем, везде их, этих себя-убийц, равно много, о девицах только слышнее.

Почему-то поразила меня Катя Каменная. Сам не знаю, почему она. Справлялся даже о ней в больнице. Спасли. Выздоровела. Она объявила, что нет причин.

15-го ноября

Вчера вечером пошел, наконец, на Лиговку. Мороз, – дыхание захватывает.

Пристали две какие-то, в легоньких пальтишках. Носы красные.

– Послушайте, милые мои, – говорю им. – Вы не воображайте, никакой вам особенной пользы от меня не будет, а если хотите на полчаса зайти куда-нибудь погреться, я вас, пожалуйста, чайком угошу.

Переминаются, не понимают. Под фонарем сверкнули глаза какого-то картузника. Остановился, вглядывается, вслушивается. Рожа обыкновенная, молодая и хулиганская.

– Чего ж вы? Ну, как знаете. Я просто для разговору. Фыркнули.

– Да мы што ж...

– Хотите – и кавалера возьмем, коли ваш знакомый. Картузник приблизился.

Спросил остуженным голосом.

– Чего это?

Я повторил свое простое предложение, которое им всем казалось необыкновенным. Собрался уходить, надоело мне.

– Вот тут недалечко, в «Рекорд» зайдём, – сказала вдруг одна из девиц. – Морозно. Глотку даже перехватило. А какие это разговоры вам понадобились?

– Да вообще, – отмахнулся я. И прибавил грубо:

– Любопытно мне, с чего вы, идиотки, травитесь зря? Девицы засмеялись.

– Мало ли дур! А мы и не воображаем!

Двинулись к «Рекорду». Картузник следовал за нами. Собственно, картузником его назвать было нельзя, так как на голове красовалась расшлепнутая и слинявшая студенческая фуражка. Но я знал, что она, эта фуражка, обозначает: «В ней в трактир не смеют не пустить», – объяснил мне один такой малец уже давно.

«Рекорд» оказался трактиром весьма обыкновенным; в должной мере грязный, но не совсем труппный.

Сели в общую. Спросили чаю. Пива я нарочно им не спросил.

Девицы оказались очень схожие, обе щуплые, серенькие и молоденькие.

– Мы две подружки: Варя и Даша. А прозвищев мы не скажем, потому что вам ни к чему.

– Не знаете ли вы Катю Каменную? – спросил я.

– Вам на что же ее, господин? – ответил вопросом человек в фуражке.

– Да так, для разговору. Ведь я сказал, что интересуюсь одним делом. Ну да ладно. А вас как зовут?

– Меня-то? Да мало ли у меня титулов. Вот, между прочим, Иван-Хан зовут. Так, между прочим. За то, что много жен имею. А этот у нас Ванька Выкрест.

Я обернулся. Не заметил раньше, что за нами вошел еще другой человек, в такой же фуражке; лупорожий, длинный, вялый; ходил мягко, точно кот, и приседая: обе ноги на одну половицу ставил.

– Чай да сахар.

– Милости просим, – сказал я. – А вы что ж, из евреев?

– Ни Боже мой! – ответил за него Хан (и действительно было непохоже). – Выкрест, потому что он после революции лютеранство принимал, на жидовке метил жениться. Да не выгорело.

Выкрест с таинственным видом обратился ко мне.

– Вы, господин, ежели из газеты и насчет отравлений, то эти девчонки не годятся. А я и Катьку Каменную знаю, и других прочих.

– Врешь ты! – закричала Варя. – Не знаешь ты Катьку Каменную. Ее Матара знает, вот ее кто знает! Только она теперь, Катька не хожала. Больная, и денег ей после больницы собравши.

– А ты понимаешь, что к чему? Понимаешь? Матара знает! Да я эту Матару хоть сейчас могу привести! Угодно вам, господин, Матару?

Я замахал на Выкреста руками.

– Во-первых, ссвсем я не из газеты, а от себя. А во-вторых, прошу потише. Вы ко мне особенно не подъезжайте, пользы от меня не дождетесь, так что много врать незачем. Угостить угощу понемножку, коли от знакомства не отказываетесь, а больше ничего. Если кто из вас Катю Каменную знает или Матару эту, что ли, скажите им. Приду еще завтра на полчаса, поговорим, чайку попьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.